

Следуя традиционному обычаю сжигания бумаги и низкопоклонства, Жэнь Ифэй вышел из траурного зала. От начала и до конца старший внук и остальные не обращали на этого «NPC» никакого внимания.

Самый обычный младший из покойных, с характерной для людей той эпохи простотой; как и другие ночные сторожа, в нем не было ничего особенного.

Предварительное исследование траурного зала было завершено, и он также проверил всех «посторонних» поблизости, выполнение этой задачи превзошло его ожидания.

Карточная игра уже перешла в следующий раунд, и А Лян сидел на длинной скамейке и ел семена дыни. Увидев выходящего Жэнь Ифэя, он позвал его: «Фэй, сюда».

Жэнь Ифэй уже знал, что А Лян и некоторые пожилые люди были очень дружелюбны к нему. Во многих играх NPC будут давать подсказки, когда они очень благосклонны к игроку. Он не был уверен, что здесь то же самое.

Он подошел и сел с другой стороны скамьи.

«Ты сожг бумагу для бабушки?» Лян протянул ему тарелку с семенами дыни.

Жэнь Ифэй взял горсть дынных семечек и медленно сказал: «Они сторели, ты не уходишь?»

«Забудь об этом, у меня нехороший характер, уход только разозлит бабушку».

Жэнь Ифэй очистил семена дыни и бессознательно вздохнул: «Почему уход был таким внезапным?»

Действия А Ляна на мгновение остановились, и он замолчал, прежде чем, наконец, просто покачал головой: «Это старость».

Двое сплетничали на краю стола, летний ночной ветерок медленно проходил мимо, унося из траурного зала тошнотворный маслянистый и восковой запах.

Если бы это не была сторона траурного зала, это место было бы хорошим местом, чтобы насладиться прохладной тенью. Луна в небе была большая и яркая, освещая двор.

Когда они услышали крик совы, А Лян выплюнул скорлупу семечки дыни и огляделся, но не смог найти следов совы: «Эта старая сова снова зовет».

В это время за столом начался новый раунд. А Лян внимательно огляделся и странно спросил:

«Почему я не видел, как сегодня играет Сун? Разве этот ребенок обычно не полагается на карточный стол, чтобы не уйти?»

Сердце Жэнь Ифэя дрогнуло: «Сун? Где он?»

«Разве ты не видишь? Он рядом с А Цзе».

Рядом с А Цзе было два человека, но Жэнь Ифэй все еще мог с первого взгляда определить, кто из них «Сун».□□

Все остальные смотрели на карты еще внимательнее, чем играющие. Только один молодой человек невысокого роста смотрел на траурный зал со сложным выражением лица.

Жэнь Ифэй продолжал расспрашивать А Ляна: «Разве он сегодня не принес денег?»

«Раньше он играл без денег и проигрывал».

Лян сказал с оттенком пренебрежения, когда он посоветовал Жэнь Ифэю: «Ты не можешь учиться у него, то есть играть в азартные игры, его даже уволили с предыдущей работы, и ему приходилось бегать к разным людям в течение всего дня. Ты единственный сын тети.»

— О, я послушаю тебя, А Лян гэ, я уж точно не буду у него учиться.

Это заставило А Ляна почувствовать облегчение, он схватил горсть семечек дыни и дал их Жэнь Ифэю: «Вот, съешь их».

Жэнь Ифэй был как рыба в воде, рассматривая игру как свой дом, в то время как другие игроки чувствовали, что время замедлилось.

NPC были очень недружелюбны к игрокам, игнорирование их уже считалось бы хорошим обращением. Они также время от времени меняли свои лица, пугая игроков.

Девушка с густыми косами «Сяо Мэй» дважды была напугана до слез, а «второй внук» уже забился в угол, его психическое состояние вызывало тревогу.

На «жену старшего внука» засматривалась женщина средних лет, и даже спокойному старшему внуку один раз сделали выговор.

Но против NPC никто из них не устоял, даже опытные игроки.

Жэнь Ифэй, наблюдавшая за тем, как другие выбрали неверный ход, знал, что провоцировать

NPC определенно неправильно. Последствия были неизвестны, но определенная цена определенно должна быть заплачена.

Он не провоцирует и не выделяется, он должен действовать осторожно и первым оценить ситуацию.

Шло время, пожилые люди в траурном зале стали постепенно расходиться, остались только молодые ночные сторожа, семьи усопшего, монахи и несколько помощников.

Жэнь Ифэй доел бобовый пирог и коснулся своего живота: «Я все еще голоден».

NPC А Цзе посмотрел на него пустым взглядом: «Почему ты не упал в обморок от голода?»

«Скоро будет еда, я видел дым из кухни», — улыбаясь, сдавал карты пожилой ночной сторож.

Конечно же, через какое-то время было что поесть.

Поскольку поздно ложиться спать было вредно для организма, проголодаться также было легко, поэтому хозяин приготовил кашу из смешанных злаков. Хозяйка кухни взяла большую фарфоровую миску и сказала: «Вы все должны что-нибудь поесть, а то потом не будет хватать сил».

Этот горшок смешанной зерновой каши отличался от более поздних поколений. Сверху был слой воды, а внизу какие-то тонкие бобовидные штуки.

«У вас были деньги, чтобы пригласить монахов, но даете нам такую кашу? Неудивительно, что бабушка Чун Чжи хочет... — не удержался от жалоб ночной сторож.

Лян постучал по столу: «Сосредоточьтесь на еде каши и меньше говорите, больше беспокойтесь о том, чтобы не подавиться».

Хм? Только тогда Жэнь Ифэй понял, что что-то не так, и повернул голову, чтобы приглядеться.

Мало того, что приглашать монахов было дорого, так еще и с гробом было что-то не так.

Для крестьян той эпохи условия были средними, они покупали только тонкие гробы, не говоря уже о том, чтобы их красить. Однако гроб перед ним был толстым и покрытым черной краской. Это должно стоить как минимум месяца или двух семейных доходов.

Кроме того, глядя на четыре стены, выложенные яркими огнями. Было роскошью, чтобы алтарные светильники горели днем и ночью, в дополнение к хорошему кунжутному маслу.

Золотисто-желтое и прозрачное растительное масло раскрывает качество этих огней, которое обычно не встречается в такого рода семье.

Такие похороны были довольно экстравагантными, однако они были бы очень тяжелым бременем для семьи. Даже если это должно было почтить память старейшины, это было немного чересчур...

С другой стороны, А Лян по-прежнему воспитывал невнимательного юношу: все они здесь для сентиментальности, а не для чужой каши. Настроение поминального бдения было передано так, что не стоило жаловаться на полный рот каши.

Человек ответил и ушел, держа миску, чувствуя себя немного стыдно.

У других также есть тонкие выражения, поскольку они избегают темы, как будто подразумевая, что в истории было нечто большее, чем то, что кажется на первый взгляд.

«Лян, помоги мне зачерпнуть ложку», — Жэнь Ифэй наблюдал за волнением в толпе, когда его ударили по руке.

Человек, который ударил его, прислонился к столу: «Сяо Фэй, иди и приведи Ши Тоу и Сяо Вана, они тоже были голодны весь день. Дети еще маленькие и не могут нести это бремя».

"Хм?" Жэнь Ифэй на мгновение была ошеломлен и не мог вспомнить, кто этот человек.

Лян зачерпывал кашу и, увидев это, поставил ковш: «Сун, почему бы тебе не пойти и не позвать их самому, зачем спрашивать А Фэя?»

Жэнь Ифэй был так тронут появлением этого стража, что тут же проскользнул и встал позади А Ляна, его глаза кружились вокруг, пока раздавали кашу.

Цзе, которому он раньше не нравился, также сказал: «Фэй давно голоден».

Несколько молодых людей в толпе посмотрели на них и были потрясены — эти люди слепые? Что хорошего в этом парне, кроме его красивой внешности и того, что он умеет говорить? Он был и ленив, и жаден.

«Сун повредил ногу, так что ему неудобно».

«Правильно, они немного кривые».

Несколько ночных сторожей, которые в прошлом хорошо ладили с Суном, помогли ему

высказаться.

А Лян посмотрел вниз, он остановился, как будто это было так, неловко придумывая, как закончить разговор.

Увидев это, Жэнь Ифэй почесал подбородок и поставил миску: «Раз так, А Лян, помоги мне зачерпнуть еще, я пойду позову Ши Тоу и Сяо Вана».

Говоря это, он повернулся боком, чтобы выскользнуть из группы ночных сторожей.

Лян не остановил его, он смотрел, как он вошел в траурный зал, и покачал головой, когда сказал: «Не запугивай А Фэя все время, его просто небрежно избаловала тетушка».

Запугивать?

Несколько ночных сторожей вышли из себя, хорошо, это несравнимо с болью моего брата.

Только А Сун неосознанно кивнул, фактически соглашаясь с этими словами.

«Сяо Фэй?»

Жэнь Ифэй вошёл в траурный зал, думая об этой странной форме обращения. Все зовут его «А Фэй», так почему же этот человек назвал его «Сяо Фэй»?

Основываясь на том, что сказал А Лян, он и А Сун не были знакомы друг с другом, так почему другой назвал его так? Такое знакомство и близость создавали впечатление, что они друзья.

У Жэнь Ифэя было много вопросов:

Если Сун был игроком, откуда он знал, что двоих детей звали «Ши Тоу» и «Сяо Ван»?

Если А Сун не был игроком, почему он представил такую другую личность? Ведет себя не как игрок.

Этот человек по сравнению со старшим внуком казался более необычным и заслуживающим внимания.

Много людей ушло, и в зале стало светлее. Перед гробом на коленях стояла семья покойного: сын и невестка покойного, оба в траурных одеждах, молчаливый старший внук, жена старшего внука с золотыми словами над головой, второй внук, забившийся в угол, и двое правнуков.

Эти двое детей оба были маленькими, после того как они целый день стояли на коленях, они казались бестолковыми.

Старший внук невыразительно жег бумагу впереди, обе его руки были в пятнах от запаха амулетной бумаги. Внезапно он увидел молодого NPC, медленно идущего к гробу, и сказал своим дешевым родителям: «Дядя, тетя, почему бы вам двоим не пойти поесть?»

Раньше все было нормально, но как только ему напомнили, старший внук-игрок не мог не коснуться своего живота: он тоже был голоден.

«О, это А Фэй, — женщина средних лет узнала внешний вид этого NPC и снова опустила голову, — мы не голодны».

«Тетя, если ты устанешь из-за этого, бабушка будет чувствовать себя неловко», — с беспокойством сказал молодой NPC по имени А Фэй.

— Кашель, — кашлянул старший внук и поднял на него глаза: Иди, посмотри на меня, я голоден.

При упоминании покойного мужчина средних лет на несколько секунд напрягся, а мышцы на лице женщины средних лет задрожали, придав ей выражение ужаса.

Она спрятала часть своего лица и еще раз подчеркнула: «Мы не голодны».

«Тогда разве они не должны что-нибудь поесть? У них не будет никакой энергии позже, — снова прошептал молодой NPC, показывая немного огорченное выражение, глядя на двух детей, — они еще маленькие».

Старуха подумала немного, прежде чем кивнуть головой, чувствуя немного жалость к детям: «Возвращайтесь после еды».

«Гулу-» из живота старшего внука вырвался шум, он поднял взгляд на молодого NPC и запнулся: почему этот NPC не позвал его? Пока другой звал, разве он не ответил?

Даже жена старшего внука, которая сидела и потирала живот, посмотрела на него: фасолевая каша невкусная, но если бы вы меня позвали, то я бы выпила ее с неохотой.

Однако у этого NPC было крайне слабое зрение, их взгляды просто бросались на слепого. Он ни о чем их не спросил и ушел с двумя детьми.

Было так много людей, они были невидимы или что?□□

Не слишком ли низкое отношение к игрокам?

Как только человек ушел, лицо женщины средних лет сразу же опустилось и показало оставшимся людям горькое выражение: «Продолжайте стоять на коленях, чтобы порадовать свою бабушку».

Голодные игроки:□

Жэнь Ифэй вывел двоих детей из траурного зала.

На столе стояли миски и в миску наливали кашу.

Как только Жэнь Ифэй усадил двоих детей, три миски с овсянкой были поставлены на место. Супа в нем было немного, зато было много бобов и круп. Он поднял голову и увидел, что это был Сун.

Сун улыбнулся Жэнь Ифэю, а затем поприветствовал двух детей, сказав им есть кашу.

Жэнь Ифэй посмотрел на чужие миски, вся вода была кристально чистой. Ночные сторожа отвечали обиженными глазами: не смотри, все в твоей тарелке.

— Кашель... — он потер нос и бесстыдно сел есть.

Разнозерновая каша без каких-либо приправ была пресной на вкус, Жэнь Ифэй пил ее медленно и краем глаза увидел женщину средних лет, которая ранее отпустила двух детей, торопливо подошедшую.

Она выглядела немного взволнованной, ее глаза часто бросались в сторону траурного зала, когда она убеждала двух детей: «Идите сожгите немного денег для прабабушки, прабабушка любит вас больше всего».

Жэнь Ифэй отложил бобы в сторону: это было только после нескольких глотков, почему так беспокоится?

Сун рядом с ним подождал, пока двое детей уйдут, прежде чем, естественно, налить кашу вместе, чтобы поесть.

Жэнь Ифэй отложил палочки для еды, казалось, он что-то вспоминал.

«Фэй, ты все еще хочешь есть? Я могу помочь тебе, если ты не хочешь его закончить.»

Цзе, съевший свою долю, похлопал его по плечу.

С этим похлопыванием странные мысли Жэнь Ифэй ушли неизвестно куда. — В твоих мечтах, — он поднял чашу и ушел, выпив ее.

С чем-то в животе группа молодых людей пришла в себя, чтобы играть в карты. Лишь несколько раз в течение года они могли оправдать игру в покер.

Если не считать присутствия гроба сбоку, похоронное бдение оказалось не таким страшным, как представлялось.

Вероятно, это произошло потому, что умерший старейшина также была очень доброй старейшиной в прошлом, когда кто-то думал о ней, они думали только о том, насколько нежной и любящей была старейшина, поэтому они не боялись.

В гробу лежало не что иное, как безжизненное тело. Что такого ужасного в теле? Кроме того, вокруг было очень много людей.

Звук людей, играющих в карты, продолжался до поздней ночи, Жэнь Ифэй встал и сказал, что идет в туалет.

Те немногие игроки, которые играли в карты, не оглядывались: «Иди, иди, не попади в яму».

«Х*й ты, кто попадет в яму? Я не упаду».

В то время все сельские дома имели свои туалеты на заднем дворе, поэтому он бежал назад.

Разумеется, туалет находился на заднем дворе, напротив дровяного сарая, в котором хранились дрова. Он почувствовал запах туалета, как только вышел на задний двор.

Двор был не маленький, по углам были посажены банановые деревья и барьеры со свиньей и несколькими курами, а также пересохший колодец. Это было похоже на задний двор или любой другой фермерский дом.

Он пошел в туалет, но не воспользовался им.

Жэнь Ифэй потер лицо обеими руками, как будто снимая кусок кожи, его лицо больше не содержало наивности, присущей «А Фэю». На первый взгляд, это был спокойный темперамент мужчины.

Это был не А Фэй, это был Жэнь Ифэй.

<http://bllate.org/book/15647/1398960>